

**Предания Малмыжского края: репертуар, современное бытование,
исполнители**

При изучении «устной истории» (истории, представленной в народных преданиях) исследователь должен учитывать тот факт, что человеком фольклорной культуры историческое время воспринимается не как континуальное, равномерно протекающее, а как дискретное и неравноценное в аксиологическом (ценностном) отношении [Левкиевская 2009]. В нем сознательно маркируются и эксплицируются вполне определенные события, периоды и даты. На полиэтнических территориях подобная селекция осложняется рядом факторов, главный из которых состоит в том, что историческая проза выступает мощным фактором этнической самоидентификации и выполняет этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции. Мера противостояния и самобытности этносов напрямую влияет на то, сформируется ли у них единая устная история, или на одной территории будут параллельно существовать несколько версий истории края. Последняя ситуация характерна для Малмыжского р-на Кировской обл., где чересполосно проживает несколько этносов и конфессий. Анализ преданий, записанных экспедициями кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Малмыжском и сопредельных с ним районах от русских и марийцев (1997, 1999, 2004, 2011 гг.), позволяет говорить не только о сюжетных, но и о хронологических предпочтениях.

Предания, зафиксированные от марийских информантов, как правило, устремлены в отдаленное прошлое (в историю заселения края предками, формирования отдельных племен и их вождей). При этом последние идеализируются, мифологизируются и предстают великанами и богатырями: *«В деревне жили великаны мари. Мой близкий друг Санька рассказывал: в древности были люди крупные. Один из них около нас в деревне Кураи в Китяковском сельсовете вытряхнул землю из своего лаптя высотой с копну...»* (Иванова 2006, № 1152); *«Когда умерли эти богатыри, для марийцев пришли трудные годы. Сначала напала на них какая-то болезнь: умирали люди сотнями, затем пришли голодные годы. Под конец пришел татарский хан: их очень уж притеснял. Так спокойной жизни марийцев пришел конец»* (Иванова 2006, № 1149).

Другой этап истории марийского народа, представленный в его фольклорной прозе, связан со временем Ивана Грозного, и в большинстве текстов трактуется как период борьбы за независимость с более сильным противником: *«Очень много вот легенд*

про этого Чумбалата. Но не знаю я. Они неправдоподобные, сказочные легенды. Вот когда он умер, он, значит, так обещал: “Всем когда-нибудь будет очень трудно, моему народу, вы только скажите (такие волшебные слова у него были) волшебные слова, и я приду”. И когда-то вот, может, о нем и забыли. И появился сильный враг и стал окружать черемисов непролазным кольцом. И вот тогда вспомнили эти слова. “Давай, – говорят, – Чумбалат, вставай!” И он встал и всех врагов порушил. И снова лег к себе в могилу» (Иванова 2006, № 1151); «Болтуш был марийским князем, жил в Малмыже со своим народом. Во время правления построил крепкие укрепления. <...> при взятии Казани отказался присоединиться к русским войскам. Когда к нему приезжал Салтыков с просьбой присоединиться к ним, марийцы под руководством Болтуша отогнали войска Салтыкова к Волге. Много тогда погибло воинов» (Иванова 2006, № 1162); «Давно ведь это воевали, то уж Мари-Малмыж, Черемисский Малмыж его раньше звали. А потом этих марийцев отогнали, царь какой-то. Был Болтуш марийский [князь. – Ю.П.], Болтушина гора там есть в Малмыже. Вот там у них было сражение-то, на Болтушиной горе» [Приказчикова 2009, № 135].

В преданиях, записанных от русских информантов, история Малмыжского края не заканчивается, а начинается временем Ивана Грозного, поскольку именно в эти годы после взятия Казани здешние земли стали заселяться русскими переселенцами: *«Марийцы еще в старое время жили. При Иване Грозном было еще. Марийцы жили. Куженер было – то ли ‘бела речка, то ли ‘быстра речка’. А потом русские с царем не поладили и стали сюда селиться»* [Иванова 2006, № 591].

Историческое противостояние русских и марийцев времен Ивана IV не могло не сказаться на оценке событий: если для одних сопротивление его войску было героической борьбой, то для других – разбоем – *«Вот тоже разбойник был, князь. Иван Грозный тридцать с чем-то богатырей пустил, оне ночью попали, и князь Болтуш погиб»* [Приказчикова 2009, № 181]. Таким образом, в устной культуре срабатывал универсальный для всех народов механизм оценки чужого как ‘плохого’, а своего как ‘хорошего’¹. Нередко это провоцировало на создание русскими переселенцами негативной в оценочном отношении версии заимствованного «аборигенного» топонима, смысл которого был непонятен², ср.: *«Акмазики так называется в честь главаря. Это там жил какой-то зверь. Шуран, что ли? Также главарь, но он был зверь. И потом уже пришёл Акмазик. Это был мари типа старейшины или даже князя»* [Иванова 2006, № 844]; *«Акмазик был сильный и умный вождь племени, а затем и князь, наделённый юридической властью. От имени князя появился населённый пункт Акмазики»* (Зайцева К.И., 1919 г.р., Урж., АКФ 2004, т. 10, №№ 6-7); *«Акмазики – тоже марийское место.*

Там, говорят, жил какой-то Акмазик. Тоже, наверное, марийский чѣрт какой-нибудь» [Иванова 2006, № 846]; *«Собакино. <...> Это русские думают, что от собаки, а это неправильно. Это наше. Потому что племена были наши – марийские. <...> Тут и сели. А вожак у них был Савак или Сабак. <...> Стало потом по-русски Собакино, а было Савак по первому марийцу»* [Перевозчикова 2009, № 524].

В связи с тем, что интерес русского населения Малмыжского края оказался связанным с более поздним периодом истории, приоритетными сюжетами в репертуаре стали не героические рассказы об аборигенах, силачах и великанах, освободительных войнах и восстаниях, а об основании поселений, о разбойниках, этнических соседях, старообрядцах, барах, местных святынях и кладях.

Устная историческая проза в настоящее время фиксируется в двух жанровых формах – паремийной (как слухи и толки, краткие свидетельства – часто) и нарративной (в форме развернутых рассказов – редко): ср.: паремия – *«Еще были Кисели. Назвали приезжие Киселёвы. Были первые жители, вот и основали»* [Иванова 2006, № 589]; *«У нас речка была. Она высохла, там воды нет. И речку эту теперь Сухарек называют»* [Иванова 2006, № 67]; нарратив – *«Деревня Кинерь здесь есть. Так вот она сначала Кояберда называлась. Это вот пошла как-то марийка к речке мыть внутренности скотины, а мимо тетка одна проходила и спросила, как деревня называется. А та не поняла и по-марийски ей ответила: “Кояберге-мушкан”. Это значило: “Я внутренности мою”. Так и стали деревню звать»* [Иванова 2006, № 588]. Паремийная форма обыкновенно состоит из одного мотива и может рассматриваться как свернутая, редуцированная, версия нарративной формы, ср.: *«Болтуш был при Иване Грозном князь. Мы думаем, он был марийский князь. Не татарин же! Есть у Малмыжа Болтушина гора. Вот там он обосновался и правил. И там похоронен»* [Иванова 2006, № 78]; *«И вот марийцы тут жили. Ими руководил... Ну у них был вождь такой – марийский князь Болтуш. Он носил такую большую бляху. Это-от имя-то – бляха (бляха – это ‘болтуш’). Но вот во время Ивана Грозного... Он посылает свои войска во главе с Адашевым. Адашев сюда приезжает, и у них на высоком месте (вот там Малмыж проезжаешь, пастбище) происходит битва. И они разгромили. Ядро от пушки попало в Болтуша. И он раненый... И вот уже похоронили на высокой горе. Болтушина гора это. Остальные ушли в леса. И в пятнадцати километрах от Малмыжа сделали себе другое жилище. Примерно вот такая легенда»* [Иванова 2006, № 77]. Оба приведенных текста записаны от марийцев, но второй (нарративный) – от человека, занимающегося краеведением, сознательно сориентированного на поиск «исторических раритетов» и работающего с архивными и разнообразными книжными (в том числе научными) источниками

информации. Отсюда интерес к деталям, дословному переводу на русский язык марийских или татарских слов, позволяющему избежать смысловых «искажений» исторического события, точной хронологии и статистике, созданию пространственных повествований, в которых объединяются мотивы, в устной традиции бытующие в качестве самостоятельных текстов: *«А о реке Шешма есть такая легенда, что у князя Болтуша была жена Шешим. В переводе с марийского значит ‘весенняя’. Когда она узнала, что муж погиб, она бросилась в реку. Вот откуда название якобы. Это было в 1552 году, в XVI веке, когда войско Ивана Грозного шло на Казань»* [Иванова 2006, № 69]; *«Первыми сюда приехали Ральниковы. Киселев нашел церковный архив, где это всё написано. Приехали деды смотреть. Речка здесь есть, значит можно водяную мельницу построить. Ключ нашли: значит, можно стирать. Сначала мужчин было трое. Земли на старом месте не хватало: ее по едокам давали. Поэтому они поехали место смотреть. Позже одиннадцать человек приехало строиться. Первый дом был пятистенный, на две семьи. Первая улица Слободка. Мельница называлась “мутовкой”. Ёлкино раньше называлось Мизгири»* [Иванова 2006, № 601]. Стремлением придать своему рассказу вид бесстрастного (летописного) исторического свидетельства объясняется отсутствие в тексте авторского проявления чувств и оценок.

«Книжные» (рукописные) исторические повествования, представленные ныне в личных и муниципальных архивах, сельских и школьных библиотеках, имеют давнюю историю. С 30-х годов XIX в. подобные коллекции регулярно публиковались на страницах «Вятских губернских ведомостей», с конца XIX в. – «Календаря Вятской губернии», в первые десятилетия XX в. – уездных исторических обществ и музеев (среди последних особо следует отметить рукописные труды Малмыжского краеведческого музея) [Бердинских 2003]. Влияние их на устную историческую прозу несомненно, но это отдельная тема, требующую тщательного текстологического анализа.

Сокращения:

Урж. – Уржумский р-н Кировской обл.

Литература

Бердинских 2003 – Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М., 2003.

Грушевицкая, Попков, Садохин 2002 — Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. М., 2002.

Иванова 2006 – История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / Сост., вст. ст., коммент. А.А. Ивановой: М. Котельнич, 2006.

Левкиевская 2009 – *Левкиевская Е.Е.* Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // *Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда.* М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 159-178.

Приказчикова 2009 – *Приказчикова Ю.В.* Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования / Сост., вст. ст., коммент, указат. Ю.В. Перевозчикова. Ижевск, 2009.

Иванова А.А., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества, e-mail: bratynia@rambler.ru, моб. тел. 89153739451

¹ См. повсеместно распространенную традицию закрепления за понятием *чужой* следующих смыслов: *нездешний, странный, необычный, неизвестный, несущий угрозу, сверхъестественный* и т.д. [Грушевицкая, Попков, Садохин 2002]. Ср.: *русские о марийцах* – «Марийцы – они колдуны и еретники. Они раньше килы садили. И сейчас садят, но уж меньше. Что за народ?! Всю жизнь с има прожила, не пойму, что за люди! Но худое могут сделать. Это точно колдовство знают. И нашептать могут, изурочить. <...> Они странно живут. Одеваются во все белое, чистое, а живут грязно. Худо обходятся. Поди разбери их. И на грудь себе всего навешают, будто бы от дурного глазу что ли? А им самим-то надо ли? Они же сами кого хошь изведут. Сколь ни белись, все равно сажса видна. Черный глаз не замажешь» (АКФ 1997, т. 16, №№ 44-45); *марийцы о русских*: «Одна марийка сказала: “Лучшие люди – это марийцы, на втором месте татары, на третьем месте русские”» (АКФ 1999, т. 2, № 44).

² Русские Малмыжского р-на в большинстве своем не знали раньше и не знают теперь марийского и татарского языков, в то время как марийцы и татары в языковом и культурном отношении являются билингвами.